
РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

РОССИЯ И ЗАПАД: В ЕДИНСТВЕ – СИЛА^{*}

Ильин В. В.^{**}

Исходя из трактовки «цивилизации» как агрегата жизнеопределяющих технологий – воспроизводства способов жизневоспроизводства, – а «культуры» – как многофазного механизма генерации, трансляции, ассимиляции, регенерации благ, специфицируется планетарная миссия России и Запада как самодостаточных фактур ойкумены.

Непреходящее завоевание Запада – развертывание оптимальных, эффективных, достижительных приемов организации обмена деятельностью, жизнеподдержания в индустриальном и социальном отсеках. Аналогично общемировое завоевание России – отработка культурного фундамента существования. Как показывает опыт вершения истории, противопоставлять западную технологическую российской культурной стратегии более невозможно.

Перед лицом вселенского кризиса (в том числе острейшие события на Украине, Ближнем Востоке) актуализируется судьбоносная задача согласования пусть чувствительных, но частных национальных, региональных интересов с генеральными родовыми ценностями.

В любом случае ставшую притчей во языцех конфронтацию «Запад – Россия» недопустимо толковать в терминах столкновения «цивилизация – культура». Побеждает мужжающее человечество, ставящее ресурс успешной «цивилизации» на службу высокой «культуре» в инновационном социуме «глобального гуманизма» и «гуманистического глобализма».

Ключевые слова: Россия, Запад, цивилизация, культура, общепланетарная судьба человечества.

RUSSIA AND THE WEST: JUNCTA JUVANT

Based on the interpretation of 'civilization' as an aggregate of life-defining technologies – reproduction of life-reproduction methods, and 'culture' as a multi-

^{*} **Для цитирования:** Ильин В. В. Россия и Запад: в единстве – сила // Век глобализации. 2025. № 1. С. 151–166. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.13.

For citation: Ilyin V. V. Russia and the West: Juncta Juvant // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2023. No. 4. Pp. 151–166. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.13 (in Russian).

^{**} Ильин Виктор Васильевич – д. ф. н., профессор Калужского филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», профессор ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения». E-mail: vvilin@yandex.ru.

Viktor V. Ilyin – Dr. Phil., Professor of the Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University); Professor of the State University of Education. E-mail: vvilin@yandex.ru.

phase mechanism of generation, translation, assimilation, regeneration of benefits, the planetary mission of Russia and the West as self-sufficient textures of the ecumene is specified.

The enduring conquest of the West is the deployment of optimal, effective, achievable methods of organizing the exchange of activities, life support in the industrial and social fields. Similarly, the global conquest of Russia is the working out of the cultural foundation of existence. As the experience of history shows, it is no longer possible to oppose the Western technological cultural strategy to the Russian one.

In the face of the universal crisis (including the most acute events in Ukraine and the Middle East), the crucial task of reconciling sensitive, but private national and regional interests with general ancestral values is being actualized.

In any case, the "West – Russia" confrontation, which has become a byword, cannot be interpreted in terms of the "civilization – culture" clash. The maturing humanity is winning, putting the resource of successful "civilization" at the service of high "culture" in an innovative society of "global humanism" and "humanistic globalism".

Keywords: *Russia, the West, civilization, culture, the global fate of mankind.*

Тысячи видов беды – будет тысяча видов спасенья, – ободрял Овидий. Однако же угрожающие симптомы цивилизационного недуга лишают оптимизма столь радужные надежды. Тяжелейшие испытания, какие принесла человечеству первая четверть XXI в., склоняют к более осторожным, пруденциальным направлениям чувств и ума.

В переживаемый момент мировой истории нельзя быть в отношении себя лицемером; как назидает Евангелие от Матфея, требуется понимать знамение времени [Мф. 16; 3]. А оно таково, что мир, идя путем несправедным, перестает быть богоспасаемым.

Великое неустроение обременяет бытие наше: идет брат на брата, народ на народ; многие труды обращаются в прах. Люди теряют себя, захлестываются амбициями, пренебрегая наставлениями Гелиоса Фаэтона, налегают на стрекала, отпускают поводья, погоняют крепче... Колесница мчит не туда. Для всякого пагуба страсти становятся святой; ничто не стреножит отвязную власть, безмерную волю; кошмар отбирает созданное...

Век нынешний, не считаясь с Писанием, вовсе забыл, что мудрость предпочтительней силы [Еккл. 9; 16]. Почему так? Здесь *punctum saliens*.

Как излагал Гораций, первое мудрости дело – глупость отбросить. Глупость состоит в допущении того, что спорные вопросы общежития решаются нажимом, подавлением, захватом, уничтожением. Всегда, во все времена, стратегия истребления влекла самоупражнение. Последнее, к прискорбию, недопонимали ястребы великих держав, еще во второй половине прошлого века полагавшие: если в результате конфликта останутся два американца и один русский – мы победили (Т. С. Пауэр). Под копирку – линия экстремистов китайской «культурной революции»: если в итоге ядерного армагеддона выживет хоть один китаец, война выиграна. Между тем в чем победа, где выигрыш?!

Второе мудрости дело – сторониться порока. Порок заключается в том, что М. Вебер называл расколдовыванием, разволшебствованием человеческой жизни.

ни – переводом ее на рельсы выводящего за скобки ценностного окормления го-лого практицистского расчета. Такой ход ущербен гуманитарной недооценкой символической стати человека как *homo aestimator* [Ильин 2005], живущего аксиологическим, а не логистическим предопределением, на основании чего допускается эмоциональное априори (М. Шелер), альтруистическое онтогенетическое обеспечение (В. П. Эфроимсон) человечности, проявляющееся в устойчивом неприятии того же убийства.

Третье мудрости дело – развенчание сдерживающих ток мысли предвзятых штампов, некритических стереотипов, нелепых предположений, дезориентирующих искания. Ф. Бэкон писал о четырех видах идолов: рода – общие концепционные искажения реалий; пещеры – индивидуальная неадекватность фона личности; рынка – лексические контаминации; театра – плодящие адептов ложные учения.

Применительно к нашим сюжетам выскажемся прямо о недопустимых призраках – мнимых догмах, препятствующих нестесненному развитию мирсистемной цивилизационистики.

Призраки рода. Органицистский натурализм, проводимый в методологии Г. Спенсером, А. Шеффле, Р. Вормсом и др. [Ильин 2018: 182]; в макросоциологии – О. Контом, П. Ф. Лилиенфельдом, А. Эспинасом и др. [Там же: 183]; в цивилизационистике – Н. Я. Данилевским, О. Шпенглером, А. Д. Тойнби. Слабость эвристической базы органицизма-натурализма в социально-политических исследованиях обусловлена:

- редукционизмом: народы мира самоопределяются не по органо-натуралистическим, а по цивилизационным зависимостям. Если не отказываться от идеи уподобления «природный – социальный организм», для релевантных традукций продуктивней использовать более конформные образы: математические – точки, процессы ветвления, предельные соотношения (обогащающие понятием возникновения новых элементов, зависимостей); случайные процессы (с вероятностью протекания – марковские, мартингалы); конструктивных функций; контактных схем; коалиционных действий, интересов и т. д.; естественно-научные – целесообразность, эквифинальность, целостность, саморегуляция, обратная связь и т. д.;

- финализмом: принципиальная дефектность элементарного циклического канона «рождение – расцвет – упадок – надлом – гибель». В истории народов наблюдаются спады, подъемы, но отсутствует фатальная линеаризация по априорной трагической схеме. Доподлинно: никакого фатализма, трагизма автономной динамики человечество не знает. Верно: цивилизационистика комбинирует «циклизмом» (геополитика, экономика, управление), но в семантике структурно-функциональной, а не темпорально-эсхатологической.

Призраки пещеры. Вкусовой подход к выделению «культур», «цивилизаций» по крайне расплывчатым, рассредоточенным резонам. В общечеловеческом социально-историческом целом обособливалось:

- Н. Я. Данилевским: 13 анклавов, именуемых культурно-историческими типами (КИТ), представляющими симбиоз органической (?) материи и идеальной (самобытные начала народности) формы;

- О. Шпенглером: 8 культур, являющихся абсорберами духовного жизне-строя;

– А. Тойнби: то 21, то 13, то неопределенное число цивилизационных фрагментов, группируемых в замкнутые ассоциации по духовным особенностям (религия, искусство, обычаи, нравы).

Не расширяя ставший классическим список эскизов культурно-цивилизационной определенности человечества, равно как не воспроизводя стандартную критику по его адресу, кратким образом систематизируем контрдоводы. Озаботимся: что не устраивает специалистов в сделанном маститыми предшественниками?

1. Принципы обособления единиц человечности, позволяющие более или менее строго идентифицировать КИТы, культуры, цивилизации. В упомянутых трех эпизодах акцентируется унитарный духовный фактор вершения истории, конечной своей реализацией влекущий полифакторность, оказываясь порождающей причиной то культур, то цивилизаций.

С позиций метатеоретических оценок мы сталкиваемся либо с эпистемологически недопустимым кризисом детерминистской организации знания (одна причина в качестве *causa activa* выступает источником разных явлений), либо с логически недопустимым умножением сущностей в бессмысленном различении «цивилизации – культуры». Поверх же лингвистических разноречий в словоупотреблении с предпочтением в немецком «культура», в английском, французском «цивилизация» – субстанциальное несовпадение одного с другим бесспорно (о чем – ниже).

2. Квантование континуальной плоти «культуры», «цивилизации», провоцируемое сомнительными базисными презумпциями «органицизма-натурализма». Надуманная дискретизация общеисторического целого на организмическо-натуралистические локалы с отводимым им схемой «рождение – старение – исчезновение» автономным коротким веком рассогласуется с фактически протекающим процессом универсализации жизнедеятельности человечества, завязанным на диалог культур, взаимообмен, рецепцию цивилизационных завоеваний, трансляцию, имплантацию прогрессивного модернизационного опыта.

3. Модель циклизма (кругооборота). Как известно, различают обстоятельную и событийную циклику. Одна реальна; другая, исключая хроногеометрический реставрационизм (наличие «щелей» в пространственно-временном контуре; допущение причинно не связанных, взаимодействующих во флуктуациях параллельно существующих миров [Ильин 2018]), с точностью до современного состояния знания, ирреальна.

Предвзятая «организменная» идеология в социально-политической философии навевает-таки образ событийных чередований – последовательной смены состояний себе подобными с отягощением «великого возвращения» (очередное проявление общественного пессимизма) – к чему? Исходному? Но эффект обновления существования, паушального жизненного прогрессизма такой вид развития процесса исключает.

Призраки рынка. Многие доктринальные проблемы снимались бы выверенным использованием концептуального аппарата. Исходя из конституируемой логикой относительной свободы (вне умаления лексических традиций, формальных предписаний к осуществлению интеллектуальных действий) дефинирования понятий, семантически дистанцируем содержание концептов «цивилизация» и «культура».

С позиции высказанных нами ранее соображений [Ильин, Ахиезер 2000] будем толковать «цивилизацию» как набор действенных жизнеподдерживающих технологий, более или менее общих всем народам. Подчеркиваем: с известным допуском (вынося за скобки «экзотические» жизневоспроизводственные уклады отдельных малочисленных этносов Дальнего Севера, Юга) в социально-политической философии правомерно комбинировать идеей универсальных приемов жизнеобеспечения, инспирированных достижениями научно-технического и социального прогресса.

Принятие диспозиции позволяет выделять в общеисторическом процессе:

- I – по промышленным технологиям – фазисы:
 - доиндустриальность: спорадическое использование оптимизирующих деятельность элементарных устройств (рычаг, ворот, блок, наклонная плоскость, полиспасть);
 - индустриальность: массовое внедрение эффективных разработок – механизация, конвейеризация, частичная автоматизация;
 - постиндустриальность: комплексная автоматизация, роботизация, цифровизация;
- II – по социальным технологиям – фазисы: потестарность – политарность – абсолютизм – октроированный конституционализм – конституционализм – республиканизм – парламентаризм – демократизм. На больших временных интервалах прослеживается векторизация социальной динамики, свидетельствующая о макросоциальных трансформациях от «зависимости» (деспотизм, диктатура, авторитаризм, тоталитаризм, хунтизм) к «свободе», фиксируемая полезным понятием фундаментальных социальных констант (ФСК) [Ильин 2003].

Обобщенным образом пакета авангардных прорывных технологий современного уровня выступает NBICS-комплекс нано-, био-, инфо-, когно-, социотехнологических ресурсов [Его же 2019], рельефно оттеняющий универсальность, космополитичность, надэтничность орудийной базы пролонгации жизни, вершения истории.

В отличие от «цивилизации» как «технологии» «культура» есть деликатный механизм порождения человеческих (локальный момент) и общечеловеческих (тотальный момент) ценностей со своими фазисами:

- генерация: создание благ;
- трансляция: передача благ;
- ассимиляция: усвоение благ;
- мультипликация: преумножение благ [Его же 2005].

Акцентируем: «культура» аттестует порождение исключительно человеческих ценностей – благ, способствующих культивации, рекультивации человечности, что дает основание противопоставлять культуру – экстракт человеческого в человеке – контркультуре, псевдокультуре, антикультуре – повреждениям человечности.

Локальный момент культуры, завязанный на язык (гипотеза лингвистической относительности), этническую, национальную историю, традицию, специфицирует миропонимание, мироотношение, детерминирует патриотичность, ареальность. Тотальный момент культуры, завязанный на гуманитарную статью сапиента, типизирует миропонимание, мироотношение, обуславливает всемирность.

Сказанного достаточно для содержательной дистинкции: цивилизация характеризует воспроизводительный остов поддержания жизнедеятельности человека-человечества; культура – ресурс складывания гуманитарности. Одно мостит путь овладения веществом, энергией для налаживания *vita vitalis*; другое – путь огранки человечности для приращения *vita humanus*.

В генеалогии цивилизации – эффективные, оптимальные, достижительные акты переработки внешней природы; в генеалогии культуры – культ – символические акты по переработке внутренней природы.

Призраки театра. Одиозный и безосновный жупел западного менталитета, согласно которому все зло – из России; от пресловутого «рука Москвы» до анекдотичного «Россия – ужасная страна: там до сих пор женщины с мужчинами спят». (В последнее время, правда, перепадает американцам: почему в США нет госпереворотов? Потому что в Вашингтоне нет американского посольства.) Развенчание соленых интриг-происков – исторические свидетельства. Из безбрежного достопамятного национального опыта коллизионного взаимодействия России со своим исконным геостратегическим оппонентом – Западом (римская панидея, атлантизм [Ильин 2022; 2023]) выберем нужное и почерпнем некую мораль.

1. Ведя (всегда освободительные!) войны, Россия боролась с захватчиками, но никогда – с народами. Выпуклый пример – Россия традиционно не препятствовала сохранению государственности Германии, Франции, Швеции, Японии, хотя могла бы радикальнейшим образом решить их будущее (недавний подтверждающий факт – воссоединение Германии, не одобряемое ни Великобританией, ни США).

2. В отличие от Запада (эпопея с открытием второго фронта в период Второй мировой войны; нынешнее расширение НАТО) Россия всегда выполняла взятые на себя обязательства (по решению Крымской конференции вступила в войну с Японией), ответственно реагировала на чувствительные обращения, просьбы (часто трудновыполнимые – переносы дат наступлений во время Первой и Второй мировых войн). В противовес сказанному исключительно Запад руководствуется *idée fixe* уничтожить и Россию, и русских (интервенция 1918–1920 гг.; текущий конфликт на Украине), в чем законно усматривается невуалируемый и неприемлемый атлантистский шовинизм.

Долга́ была и обида, и долги козни, – восклицает Вергилий. Между тем поверх подозрений, претензий, избавляясь от наносного, надо что-то решать. Мы подошли к распутью, где скрещиваются и расходятся дороги. По какой, как, куда идти? Вместе или врозь? Одно – притязательное соперничество, другое – ободряющее сотрудничество.

Учитывая, что, как уверял Публий Сир, алчный не насытится никакой наживой, предпочтительней кооперативная форма длительных, устойчивых, гарантийных взаимосвязей, нацеленная на совместное решение общих злободневных проблем, какие ставит перед человечеством глобальное развитие.

Мир наш (не по Т. Кампанелле) перестает быть живым подобием Бога: и солнце (не по Петронию) всем не светит, и оружие (не по Цицерону) не уступает место тоге; антропные проблемы (не по Еврипиду) не решаются *deus ex machina*.

В чем надежда? В силе, мощи, выкованной веками человеческой:

– дальновидности, ничего не ставящей выше мира (в любой герменевтике);

- доброй воли, для которой нет ничего невозможного;
- пытливого ума, своими усилиями все побеждающего;
- пламенного сердца, благодаря которому цветы расцветают;
- твердой решимости, укрощающей Дискордию (Эриду) – богиню раздора.

Настает *discrimen rerum*, когда решить – значит сделать. Не выгодное – благодарное.

В духе последнего – искомое исцеление теоретической и практической политический философии, стремящейся к прочности власти *Bonum commune*, на что уповали:

- Будда: восьмеричный путь освоения благородных истин;
- Августин: амитологическая платформа мироустройства без хищных национально-государственных «разбойничьих шаек»;
- О. Конт: «позитивная» миродейственная «религия» (неожиданная антипозитивистская линия правоверного позитивизма), – развертывавшие светлую, многообещающую, всенаправляющую утопию ранга увещательной притчи: в необходимом единство, в не необходимом – свобода, во всем – любовь.

Станет ли человечество лучше? Когда именно?

Проблема упирается в уяснение глубинного предмета: может ли личность (часть) жить интересами рода (целого)? И не по принуждению (ригоризм), мимикрии, симуляции, имитации (корпоративизм), а свободному ответственному действию (аксиологизм)? Откуда доктринальные и утилитарные задачи: постичь и воплотить.

Разобраться в сказанном позволяет сравнительная оценка потенциалов двух конкурирующих культурных вселенных, цивилизационных суперсистем – России и Запада, заявляющих свою правду, извечно решающих, какая судьба правит миром, что несет ему спасенье.

Нет блага в тотальной вражде; благоденствие даруется миром. Отчего же согласия нет? Оттого, что человечество расчленено по национально-государственному основанию, в обслуживании интересов которого политика ищет свое меркантильное благо.

Фундамент политического вектора восприятия реалий заложил шведский монарх Адольф Фредрик, сформулировавший менторское *Salus publica salus mea*. Фундамент же философского вектора руководства политики заключается в прямо противоположном (редактируя кодекс Феодосия): *Vestra salus – nostra salus*.

Согласно разнонаправленным углам зрения дело политики и дело философского наставления политики не совпадают, становятся двумя разными делами, принадлежащими разным составам реальности: политика оккупирует *modus operandi*; тогда как философия – *modus cogitandi*; способ действия рассогласуется со способом одухотворения действия; сила лишается руля, ветрил мудрости.

Несть числа подтверждению сказанного из наличного опыта взаимодействия Запада и России. В духе драматургии дель арте тяжеловесы мировой организации жизни выступают в неуступчивых масках, разыгрывая партии (едва не лацци):

- Запад: однополярного мира; *the west against the rest*; цивилизационного фанализма – «конца истории» с поглощением незападной фракции, как говорил Гораций, *misera plebs*;

– Россия: многополярного мира; *the rest against the west*; цивилизационного миссионизма, мессианизма.

Вопрос: сколь долго и сколь остро будет длиться непримиримая борьба под фирмой, применяя библейский образ, рыкающего льва, ищущего, кого поглотить [1 Пет. 5; 8].

Благоденствие, выводил Лукан, дериват согласия.

Не превознося старину, но к недавнему прошлому (не по Тациту) относясь трепетно, вдохновимся бывшим: у России и Запада – прекрасные традиции взаимовыгодного союзничества: во Второй мировой войне; советско-американской разрядке; освоении космического пространства, программе мирного атома и др. Дальновидный опыт должен быть учтен, углублен, расширен. Тем более перед лицом вызовов, поиск ответов на которые объективно спланирует: общие опасности рождают согласие.

Перед лицом общепланетарных опасностей основанием оправдания пусть и наивысших национальных интересов оказывается согласование любых частных целей с первостепенными родовыми ценностями [Ильин и др. 2024]. Однако же данной выстраданной диспозиции сугубо противоречит блоковая организация мира, досадная конфронтация Запад – Россия, препятствующая, прибегая к слогу АБС (Аркадия и Бориса Стругацких), вытаскиванию из заготовок (работающих на самоистребление, а значит, недоразвитых) людей настоящих, гордо-свободных сапиентов. Борьба, вражда, козни иссушают и без того не бездонные колодцы гуманизма.

На фоне изложенного предельно ясно: современному представителю высшей сферы мироздания не потребно существовать, тем более функционировать в прежней атмосфере низкого корыстолюбия, мелочных (сопоставительно с масштабом подлежащих решению проблем) интриг, тупого самодовольства, всеподавляющих эгоистических запросов [Стругацкий А., Стругацкий Б. 2017: 377].

Востребуется новая атмосфера – всеобщей и всеобъемлющей терпимости, взаимоподдержки, зиждущейся на приоритете общей судьбы, без обеспечения которой все лишены будущего.

Преображение жизни, следовательно, воспроизводя душещипательные мотивы философских прозрений, усматривается на пути универсального скачка из предчеловеческой доистории в подлинную человеческую историю.

Огоньки неимоверно далекого, но неизбежного будущего загораются в перспективе фронтальной ценностной революции, придающей всегуманитарный смысл общечеловеческому прогрессу.

Речь о разворачивании известной научной фантастики и утопической метафизике гуманистической историософии,

– отменяющей старую конфронтационную структурную организацию человечества (А);

– учреждающей новую парадигму всечеловеческого общения (В);

– конституирующей справедливый миролюбивый тип международного взаимодействия (С).

(А). Давно пора принять и признать несостоятельность изжившей себя агрессивной альтернативистики, идейно фундируемой диалектической эвристикой. Как мы неоднократно указывали [Ильин 2022: 80], условия глобального взаимозави-

симого, взаимответственного мира, агенты которого располагают оружием массового истребления или обладают возможностями разрушать объекты критической инфраструктуры, способные наносить непоправимый ущерб человеческому существованию (обстрелы ядерных объектов украинскими экстремистами), полновесно исключают диалектические версификации источника, механизма развития в языке утрирования антагонизмов.

Методологически диалектика, как говорил Плавт, *tetigisti acu* уступает место аналектике – учению о развитии в аппарате блокирования противоречий достижением гармонизирующего консенсуса; и каталектике – теории универсальной ценностной санации человеческой деятельности замыканием видовых целей отдельных (групп) людей на родовые императивные ценности, – по принципу Амвросия Медиоланского, *non sibi, sed omnibus*.

Равнообразно онтологически бессмысленно противопоставлять столь крупные единицы социальности, как Запад и Россия. Опять же, как мы демонстрируем [Его же 2023], общемировое завоевание Запада – отработка цивилизационного остова жизневоспроизводства – эффективных общезначимых технологий ранга фундаментальных социальных констант.

Общемировое завоевание России – отработка культурного остова жизневоспроизводства под фирмой:

- соборности (не имеющей семантических коррелятов в иных лингвистических традициях) (К. С. Аксаков, А. С. Хомяков, В. С. Соловьев, Е. Н. Трубецкой, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев и др.), выражающей сверхперсональное «хоровое начало», круговую «ответственность... людей за всех, каждого за... мир» [Бердяев 1989: 190];

- всеединства (А. С. Хомяков, В. С. Соловьев, С. Н. Трубецкой и Е. Н. Трубецкой, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, Л. П. Карсавин и др.): единство человечества в Боге; «благодать взаимной любви» [Хомяков 1907: 101]; «единство всех в одном» [Трубецкой 1994: 592];

- богочеловечества: единство, солидарность, сообщественность людей [Булгаков 1993: 212].

По всему видно: Запад преуспевает в акцентуации «технологий», Россия – в «живом многоединстве человеческого рода», «божественной благодати взаимной любви». В одном – голая прагматика, в другом – отрешенная утопия. Между тем, как выясняется ныне, жить по западной стратегии «человекобожества» – не окормленному высокими ценностями целевому расчету – невозможно. Последнее понимал уже Ф. М. Достоевский, не бывший свидетелем обострения глобальных (экологических, геополитических) проблем, но отдававший ясный отчет: не укрощенная духовностью безбрежная свобода корыстного действия влечет перерождение человечности в бесчеловечность. Именно это представляет стержень его заочной полемики с Ф. Ницше, страстно пропагандировавшего идеал безбожной «белокурой бестии», аморально утверждающегося без всяческих оглядок на «логарифмы» «сверхчеловека».

На чем крепить единство, солидарность, кафоличность человечества? Ответ безусловен и единствен – на святынях.

Теистически настроенные мыслители манифестируют Дух Святой [Бердяев 1990; Франк 1990: 508–509]; секулярно настроенные мыслители – отнесение к ценностям [Ильин 2005].

Как бы там ни было, однако пикировку Запад – Россия недопустимо позиционировать как столкновение «цивилизация – культура». Вопрос располагается в совершенно иной плоскости: не культура перерождается в цивилизацию (как предвзято полагал О. Шпенглер), но цивилизация *ad amussim* должна превращаться в культуру. Жить и выживать в нашем мире возможно исключительно по одухотворенным, ценностно обогащенным технологиям.

В языке деонтологии: технология обретает аксиологически вмняемую окраску; одновременно аксиология обретает технологически вмняемый колорит. Футурологический кредит – человекообразным, гуманитарноподобным технологиям, управляемым культуроемкими, просветленными сапиентами. Откуда в высокой антропологии – лейтмотив духовного преображения человека как культурного пестования его души: от поэмы Пруденция «Психомехия» до Ф. М. Достоевского, настаивавшего: образование (в семантике: формирование) человека начинается не с техники, но культуры: «Там, где образование начиналось с техники... никогда не появлялось Аристотелей... замечалось необычное суживание и скудость мысли (общее неприятие российской культурой западного технологичного мироотношения. – В. И.). Там же, где начиналось с Аристотеля... дело сопровождалось великими техническими открытиями...» [Неизданный... 1971: 312]; и русских интеллектуалов Серебряного века, ставящих не на социальное, но на духовное преображение.

Поскольку, как говорил П. Тейяр де Шарден, центр перспективы – человек, и, добавим от себя, человек культурно-(ценностно) обремененный, становится достоянием прошлого ненужное противопоставление «цивилизация» – «культура»; меняют доктринальный облик европеистика, цивилиционистика, отказывающиеся от навязчивой дихотомии Запад – Россия.

(В). Благодатный сюжет духовной реформации человечества на базе отечественной культурной платформы гуманитарного просветления получает логичное развитие в моделировании видов на будущее. Сращение цивилизации с культурой, западного и российского мирозерцания сулит утверждение нестандартных принципов межчеловеческого обмена деятельностью.

В прикладном разрезе стержень нетрадиционной интеракции составляет обращение не на материальном интересе, но на духовном (идеально-символическом) запросе, аттестующее строй жизни в социуме «гуманистического глобализма». Пользуясь случаем, солидаризируемся с линией Ю. В. Яковца, высказавшего сильные и близкие нам идеи профессионального толка [Яковец 1995]. Ни много ни мало анонсируется особое историко-социальное состояние человечности, где доселе ведомые нам люди утрачивают исконную самоограниченность – вовлеченность в вещизм; перестают служить мамоне, освобождаются от материального рабства. Исчезает все то, что разделяет человека внутри его, – именно: государственная, правовая, собственническая, принудительная общественная конституция; учреждается свободная безгосударственная, бессобственническая моральная ассоциация, участники которой живут не по частным целям, но по общим ценностям; не по хрематике, но по экономике; не по труду, но по творчеству. Прямо по классике утопического жанра (от Т. Мора через Ф. Бэкона, Т. Кампанеллу к Д. Гарлингтону и далее), люди больше всего любят свободу, творчество, знание, оказывающиеся преимущественным смыслом их жизни.

Если в утопическом провозвестии ответ найден, что мешает его фактическому претворению? Препятствует несовершенная персональная и групповая природа, вкладывающая в смысл исторического (индивидуального, национального, регионального) процесса подрывающий характер сотоварищеской коммунальности пафос конъюнктурной преференциальности (на обыденном уровне – в расхожем «Доходном месте» А. Н. Островского: «Как это так... что за мода пошла – жить на одну зарплату?»). Все упирается в человека – его гуманитарные кондиции, которые никаким краткосрочным социальным переворотом ни извести, ни подправить (опыт контингентирования существования в суровых общественных починах на магистрали, как выводил Саммазий, «от звезд – к лагерям»; большевистский проект выведения (так проще!) новой человеческой породы в гигантской фабрике советизма; совет Б. Брехта охваченным зудом модернизационного пионерства правителям: «Распустить народ и выбрать себе другой»; паушальное дидактическое жизнеубеждение В. П. Астафьева: «От властей только тлен и уничтоженье»).

В практическом разрезе, настаиваем, не может быть никакого подхлестывания событий (ср. полемику В. И. Ленина с «веховцами», упрекавшего оппонентов в интеллигентской постепеновщине, политическом квиетизме и на этом резоне торопившего ввязаться в «последний и решительный бой»; спор рассудил опыт, восстановивший ламинарные приемы социального обихожения): реновация, тем более планетарного охвата, не может быть ни форсированной, ни «особнянской»; на данном основании отпадает горячечный почвенный миссионизм, мессианизм; не Россия несет счастье миру, несет его ему и ей обновляемый человек.

Все дело – в человеке: он должен созреть для бескорыстного самоподдерживаемого существования, зачатки которого обнаруживаются в общинно-соборных формах организации общения, находимых в российской крестьянской общине, трудовой артели; старообрядческих, добролюбовских, толстовских коммунах; ауровиллях; мусульманской умме, социальном опыте махалли, тоухидном хозяйствовании; малых трудовых коллективах (в том числе западной коллегиальности, что выявил хоторнский эксперимент).

В концептуальном разрезе востребуется интегральный тип социальной теории, тематизирующей самоинициацию творческой личности, захваченной самоиндуктивным проектом самоутвердительного роста.

Звучит необычно. Но, в обход доктринально неосмысленной массовой гипнотизации, доктринально осмыслена позитивная реморализация. Верно, в стандарте обыденный, повседневный, среднестатистический «массовый» человек с улицы так не жизнедействует. Но в любые и всякие времена так жили и живут творческие люди – творцы, поглощенные выделкой не шаблонного, но оригинального продукта – художники, мастера – созидатели шедевров. Теории их самоутверждения (пока?!) не существует, но закона запрета на ее формулировку нет.

Содержательный абрис подобной теории (над разработкой которой размышлял К. Маркс) составляет идея самовосстановления человечности в единстве материальных и духовных слагаемых, где духовному началу – по части человека как существа символического – отводится решающая роль.

Проведем аналогию. Фундаментальная теория располагает отработанной доктриной тела (физиология, медицина, биология, эмбриология, генетика), но не располагает доктриной духа. Мы знаем, как тело влияет на дух (психиатрия), но не

знаем противоположного влияния (внесциентистские эзотерические восточные практики). Иными словами, отсутствует полноценная, полновесная идейная картина психофизического человека. Подобно этому – полный дефицит представлений по предмету воспроизводства человечности. Мы знаем, *что* такое материальный интерес, материальное производство, но до сих пор не знаем, *что* такое духовный интерес, духовное производство. И как поддерживается их симбиотическое единство.

Мы знаем, *что* такое физическое восстановление, но не знаем, *что* такое игра человеческих сил поверх некомпенсируемых соматических трат (участлива здесь диетология?), самоиндуктивная мобилизация, творческий порыв.

Мы не знаем причин самореализации вне надежды извлечения прибыли по самоотверженной тяге свершения – идеально-символической инъекции. Человек – существо идеалонесущее, идеалодетерминируемое, но подноготная идеалотипического существа человечности не выявлена. Потому неведомо, *как, чем* живут созидатели, занятые не массовой трудовой, но эксклюзивной, креативной деятельностью. Традиционная теория (модели базовых потребностей, структуры личности, поведенческих девиаций) проводит их усилия по части «чуждачества». Между тем можно ли удовлетвориться столь сумасбродным исполнением символического интеракционизма?

Человек существует в мире «значимых объектов», по расхожей теории, навязываемых социально. Однако много важнее то, что человек пребывает в мире персонально значимых объектов, вопреки Г. Блумеру, не полностью надындивидуальных [Blumer 1966]; генеалогия их (такого рода объектов) идиографична. Ф. Гельдерлин вводил фигуру «мое достояние» – набор значимостей, составляющих интимную безраздельную принадлежность «Я» (ср.: мидовское различие *I* и *me*), – самососредоточенное освоение которого (достояния) предобуславливает трансформацию объектных значений. Человек «линяет» (Ж.-П. Сартр) с личностным творческим мужанием; «линяет» и его «достояние» с линькой семантики смыслозначимого (и без всякого «социального» участия!).

Подчеркиваем: теории символической идеальной инспирации креативно действующего человека не существует, что вовсе не освобождает от необходимости ее создания. Как бы там ни было, но удовлетвориться наличной доктриной частичной материальной детерминации жизнеутверждения неоднородного *homo quadratus* никак невозможно.

Вопрос скачка из дочеловеческой предыстории в человеческую историю – не вопрос лишения человечества его истории; не то же самое, что стереть род людской с «лица земли и создать на его месте новое» [Стругацкий А., Стругацкий Б. 2017: 432] (жалкие прошлые и нынешние потуги выпуска *socio-tech* [социократы] и *bio-tech* [технократы] аватаров). Поставленный вопрос суть вопрос реновации человека – его гуманитарной, ценностно-духовной сути; вопрос прогрессирования истории по вектору родовых перспектив, устремлений.

Без каких бы то ни было поводырей, путеводителей человечество идет аутентичной дорогой. Какой? Перед лицом эсхатологических испытаний – дорогой сплывающего всеединства, вдохновляющего доверия, вразумляющей взаимности. Дорогой общественной альтруистической эмпатии, о которой в терминах каруны, майтри рассуждала восточная (индийская) философия («Законы Ману»,

Йога-сутры, Махабхарата); в терминах человеколюбия, радушия – западная философия (буквально все антропологически ориентированные системы).

Декларируемое традиционными правилами привычной жизни «святое» право убивать убийцу, пытать палачей, предавать предателей вытесняется наисвятейшим правом избавлять от подобных забот человеческое существование. Помешать этому нельзя, что и должно показать в практическом разрезе – свободно развивающееся гуманитарно мужающее человечество; в концептуальном разрезе – свободно развивающаяся доктрина гуманитарно мужающей человечности.

Будущее – в упорении великого начала «глобального гуманизма».

(С). Воюют люди – провоцируют войны государства. С незапамятных времен социальная и политическая философия решает задачу предотвращения столкновений, достижения прочного – «вечного» – мира. Принципы учреждения потребного чаемого состояния стали общим местом, едва ли не расхожим плеоназмом. Это:

- взаимное уважение территориальной целостности;
- соблюдение суверенитета;
- невмешательство во внутренние дела;
- отказ от силового решения спорных проблем;
- приверженность равенству в сотрудничестве;
- проведение линии взаимовыгодного сосуществования;
- обеспечение обоюдного доверия.

Знание «что делать», к несчастью, натывается на неумение «как сделать». По своей патовости ситуация напоминает субстанциальный провал утопии: социальное проектирование генерирует, но не объективирует живописания. В чем же дело? Дело, отмечалось выше, в рассогласовании оснастки капитальных жизнеоформляющих ниш – топосов, локусов, модусов существования: образа мышления и способа вершения сущего. Одно – идеальная модель – отрешенный умозрительный меон («иное», «относительное небытие» – «вечная женственность», «недостижимая святость» и т. п.); другое – реальная явленность, где не достигается совпадения сущего с «несущим». В своей несомненной дуальной оппозиционности вместе им не сойтись (оттого – трагедия теоретизма в казусе того же Н. М. Минского, вырождающего «религию будущего» в невнятные (в духе «Эн-соф» каббалистов [Соловьев 1917: 267]) околофилософские разговоры [Минский 1905] об экстатическом откровении).

Требуется медиатор. Им, пользуясь абстрактным языком теории моделей, выступают семантика возможных миров (СВМ) и интерпретация реализуемости (ИР), варьирующие онтологические параметры социально-политического сущего по вектору гибкой представимости (выполнимости, достижимости).

Известные истории международных отношений программы «справедливого» миропорядка (МП) (в случайной выборке) Александра I; Брандта – Брежнева (переписанная для генерального секретаря ЦК КПСС платформа «Воля к миру» немецкого канцлера); общечеловеческих ценностей (заимствованная у American Humanist Association. Humanist Manifesto горбачевская платформа «нового мышления») страдают частичностью.

Нетривиальная проблема, решение которой вменяется СВМ и ИР, – преодоление частичности в реализации универсальности: всеобщий «вечный» мир не может не быть *pax orbis terrarum*. В противном случае каждое его проективное

исполнение будет дезавуироваться уничтожающим «паллиативность», «сингулярность».

С соизволения Минервы, поскольку, по настоянию Августина, мир есть неизбежность порядка, добиваться мира следует в обход конъюнктурных комбинаций типа *Pax Romana, Sovietica, Teutonica, Americana, Britannica* и т. п.

Диспозиция «мира Божьего», «превыше всякого ума» [Фил. 4; 7] прокламирована посланием апостола Павла филиппийцам и принята руководством к действию французским Синодом в Шарро (989 г.). Угроза церковного отлучения как кара по недопущению, прекращению войн серьезна, но не обязательна вследствие релятивизации образных сцепок «война – зло», «мир – добро». Дело в невозможности соблюдения категоричности санкций по причине семантической эрозии содержания базовых когний: в одних категориальных системах отсчета мир – «победа», в других – «поражение».

Продумывая атрибуцию «универсальности», в трактате «К вечному миру. Философский проект» И. Кант использовал коронную лексему «априорность». При всей неуклюжести схемы выискивать твердые основания опытных явлений в сверхопытных факторах в чем-то Кант прав. Во-первых, в том, что измерение потенциальных взаимопетензий по части организации любого МП заинтересованными агентами международной жизни недопустимо произвольно (эмпирически) вводимыми мерами: каждый не может быть сам себе судьей. Во-вторых, в том, что непременность, безусловность исполнения принятых на себя обременений не может покоиться на факультативно (эмпирически) вводимых ручательствах. От любых и официально даваемых в письменной форме обещаний, хорошо известно, отказываются (выход США из договора по ПРО; нарушение ФРГ, Францией взятых на себя обязательств по выполнению Минских соглашений).

Суть в гарантиях, не позволяющих поднимать градус напряженности в случае эскалации конфликтности.

Из сказанного правильно удержать во внимании идею идеальной (виртуальной) онтологии (возможного абстрактного мира), в отношении которой развертывается потенциал СВМ, ИР. Применяя пакет сильнейших абстрагирующе-экстраполирующих приемов, получаем стереоскопию искомого МП.

Всеобщий «вечный» мир характеризует «всечеловечество» в его:

- негосударственной, сверхнациональной форме, передаваемой конструкцией сообщества – не государств, федераций! – ассоциации («семьи» в отечественной традиции), союза народов (ошибался И. Кант, использовавший в данном контексте понятие «государство» [Кант 1994: 22]);

- всегражданской форме, передаваемой (космополитичной – без привкуса одиоза) конструкцией всемирного гражданства;

- сверхправовой форме, передаваемой конструкцией примата морализма над политизмом с избавлением последнего от интриганского *divide et impera* с макиавеллиевско-талебранским двурушием («будьте хитроумны, как змеи», притворяясь «чистыми, как голуби») под личиной благообразия преследовать неблагоприятные цели;

- полновластной форме, передаваемой конструкцией самоорганизуемого ансамбля.

Являющееся достоянием будущего – состояния глобального гуманизма снижает многие по сию пору не решенные чувствительные проблемы общечелове-

ского развития: несправедливости, неравенства, принуждения, насилия; немало важно, что оно продвигает в ответе на извечный вопрос человеческого призвания. Для чего человек является в свет божий? Полноты счастья. В настоящем социально-политическая философия, футурология комбинируют квантитативными мерами счастья в виде комплексных показателей:

– валовое национальное счастье – на основе государственной идеологии Бутана, центрирующей устойчивое хозяйственное развитие, охрану окружающей среды, причастность национальной культуре, эффективность управления [Розенберг и др. 2024: 134];

– международный индекс счастья (Happy Planet Index HPI), представляющий агрегацию:

а) благополучия (*wellbeing* – W) – самочувствие респондентов по удовлетворенности жизнью по 10-балльной шкале: «худшее – лучшее состояние»;

б) ожидаемая продолжительность жизни (*life expectancy* – LE) в каждом государстве по программе развития ООН;

с) «экологический след» (*ecology footprint* – EF) – обеспечивающие пропитание глобальные гектары земли в расчете на человека;

д) неравенство результатов (*inquality of outcomes* – IO) между людьми в пределах каждого государства (благополучие, продолжительность жизни в регионах одной страны).

Искомая формула: $HPI = W \cdot LE \cdot IO / EF$ [Там же: 134–135].

Частичность данных подходов, определяемая учетом несопоставимых по фактическим условиям проживания возможностей разных народов и отдельных людей внутри них, не позволяет положительно решать проблему счастья, плодя сумбурные пикировки «сад – джунгли», «золотой – черный миллиард», усугубляя взаимопетензии (вплоть до причудливого, впрочем, кратковременного испрашивания прощения за некогда допущенные прегрешения белых у черных), без задней мысли, но сея гроздья гнева с намерением нанести подчеркнутый *coup de grace*; недооценивает роль духовно-ценностных атрибуций в качестве устремлений на совершенное сущее. (Опуская и то, что объективный прогресс мирового сообщества вынужден как-то сглаживать диспропорции, фиксируемые параметрами EF, IO, – например, введением налогов на компенсацию отсталости – сбор со стран гудленд в пользу стран бедленд.)

Счастье человеческое – в полноте самореализации, достигаемой всесторонним саморазвитием, твердую почву обеспечения которого уготавливает гуманистическая глобальная самоорганизация, версифицируемая полномерной доктриной продуктивного жизнедействия, где целевые индивидуальные сосредоточения корреспондируют ценностным родовым требованиям.

Литература

Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М. : Правда, 1989.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990.

Булгаков С. Н. Соч.: в 2 т. Т. 2. М. : Наука, 1993.

Ильин В. В. Философия истории. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003.

Ильин В. В. Аксиология. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2005.

- Ильин В. В. Философия. М. : Проспект, 2018.
- Ильин В. В. Теория познания: Критика инструментального разума. *Speciosa miracula*: тотальный мировейник. М. : Проспект, 2019.
- Ильин В. В. Философия кризиса. Человечество на пороге катастрофических перемен. М. : Проспект, 2022.
- Ильин В. В. Российская империя. Отжившее и живое. М. : Проспект, 2023.
- Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000.
- Ильин В. В., Кокоева И. А., Родин П. Н., Шафигуллина Т. В., Яловенко Я. В. Философия глобализма: сценография *Homo aestimator* // Век глобализации. 2024. № 1. С. 22–34.
- Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М. : Чоро, 1994.
- Минский Н. М. Религия будущего (Философские разговоры). СПб. : М. В. Пирожков, 1905.
- Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. // Литературное наследство. Т. 83. М. : Наука, 1971.
- Розенберг А. Г., Кудинова Г. Э., Розенберг Г. С. Экотопия, соляртопия и другие футуристические сценарии: куда идем? // Век глобализации. 2024. № 1. С. 127–139.
- Соловьев Вл. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. СПб. : Изд-во А. П. Сойкина, 1917.
- Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом. М. : АСТ, 2017.
- Трубецкой С. Н. Соч. М. : Мысль, 1994.
- Франк С. Л. Соч. М. : Правда, 1990.
- Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: в 8 т. Т. 2. М. : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1907.
- Яковец Ю. В. История цивилизаций. М. : ВлаДар, 1995.
- Blumer H. Sociological Implications of the Thought of George Herbert Mead // *American Journal of Sociology*. 1966. Vol. 71(5). Pp. 535–544.